
2007044138

ХАРАКТЕРИСТИКА

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I-ГО.

Ф. А. Терновскаго.

КІЕВЪ.
Типографія В. Давиденко, Михайловская улица, собственный домъ.
1878.

ХАРАКТЕРИСТИКА

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I-го

(Рѣчь въ день столѣтней годовщины его рожденія—12 декабря 1877 г.)

Изъ „Трудовъ Кіевской духовн. Академіи“ за январь 1878 г.

Экстраординарнаго профессора Кіевской духовной Академіи,

Ф. А. Терновскаго.

КІЕВЪ.
Типографія В. Давиденко, Михайловская улица, собственный домъ.
1878.

Изъ „Трудовъ Кіевской духовн. Академіи", за январь 1878 г.

Ровно сто лѣтъ тому назадъ 12 декабря 1777 года у наслѣдника русскаго престола Великаго Князя Павла Петровича и у супруги его Маріи Ѳеодоровны родился первенецъ Александръ. Событіе это чрезвычайно обрадовало какъ царствующую Императрицу Екатерину Великую, такъ и всю Россію, въ которой со временъ Петра Великаго порвалась прямая нисходящая линія царствующаго дома и спутался правильный порядокъ престолонаслѣдія. Съ рожденіемъ порфиророднаго младенца какъ будто возсіяла для Россіи надежда добрыхъ и свѣтлыхъ дней въ будущемъ,—надежда, на этотъ разъ не обманутая. Это общее предчувствіе довольно удачно выражено въ извѣстной одѣ Державина *на рожденіе на сѣверѣ порфиророднаго отрока*. И случилось такъ, что стихъ поэта: *будь на тронѣ человѣкъ!* сдѣлался закономъ всей дѣятельности Александра.

Человѣкъ на тронѣ съ раннихъ лѣтъ дѣтства вырабатывался въ Александрѣ подъ двойнымъ вліяніемъ—положительнымъ и отрицательнымъ.

---

[1]) Пособіями при составленіи настоящаго очерка были: *Богдановича*. Исторія царствованія и. Александра I-го. *Пыпина*. Общественное движеніе при Александрѣ I-мъ. *Сухомлинова* Фридрихъ Цезарь Лагарпъ Ж. М. Н. Пр. 1871. *Корфа*. Графъ М. М. Сперанскій. *Иконникова* Графъ Мордвиновъ. *Ковалевскаго* Графъ Д. Н. Блудовъ;—многотомное изданіе: Chronik des neunzehnten Jahrhunderts и многія другія статьи.

Положительное влiянiе почти всецѣло принадлежитъ его воспитателю Лагарпу. *Безъ Лагарпа не было бы Александра*, говорилъ впослѣдствiи самъ Александръ. *Лагарпа я люблю и почитаю, какъ только благодѣтеля любить и чтить возможно.*

Конечно въ настоящее время трудно изобразить въ полной мѣрѣ все воспитательное влiянiе честнаго швейцарца, къ которому Александръ привязался со всѣмъ жаромъ дѣтской души. Тайна этого влiянiя безспорно заключалась въ личности Лагарпа, но о характерѣ этого влiянiя мы можемъ составить себѣ довольно ясное представленiе по рукописнымъ урокамъ Лагарпа, сохранившимся къ счастiю до настоящаго времени.

„Правитель—разсуждалъ Лагарпъ—не долженъ быть ни физикомъ, ни натуралистомъ, ни математикомъ, ни географомъ, ни филологомъ и т. д. Но онъ долженъ быть честнымъ человѣкомъ и просвѣщеннымъ гражданиномъ... „А какая наука можетъ развить гражданское чувство болѣе, нежели исторiя? Всякiй гражданинъ, желающiй приносить пользу своей странѣ участiемъ въ дѣлахъ общественныхъ, обязанъ изучать исторiю. Тѣмъ болѣе эта обязанность лежитъ на будущемъ правителѣ.“

Но такъ какъ исторiя можетъ давать самыя разнообразныя поученiя, то весьма важно отмѣтить Лагарпову точку зрѣнiя на исторiю или преподаваемую имъ, какъ онъ называлъ,—*философiю*, подъ которою онъ понималъ *разумное сознанiе того, что ведетъ къ истинному счастiю, заключающемуся въ добросовѣстномъ исполненiи своихъ обязанностей.*

Лагарпъ былъ республиканецъ. Но онъ не считалъ республику единственною нормальною формою человѣческихъ обществъ. *Всякая форма правленiя*—читаемъ въ урокахъ Лагарпа—*законна, если она возникла по свободному соглашенiю народа и оправдана продолжительнымъ опытомъ.* Республика даже не есть лучшая—при настоящемъ состоянiи человѣчества—форма правленiя.

„Если бы существовала страна боговъ, то она управлялась бы демократически, но такое совершенство не можетъ быть удѣломъ людей". „На толпу полагаться нельзя: въ общей массѣ есть люди съ здравымъ смысломъ и добрыми намѣреніями, но весьма малая доля людей, дѣйствительно способныхъ руководить обществомъ,—огромное же большинство изъ рукъ вонъ плохо: ему нечего терять, а потому ему не возможно ввѣрять и общую судьбу гражданъ". Лагарпъ не могъ идеализировать республики, потому что на практикѣ испыталъ неудобныя стороны республиканскаго устройства. „Я отъ всей души ненавижу демократію, писалъ онъ.—потому что наблюдалъ ее очень близко и вполнѣ убѣдился въ ея несообразности съ началами свободы и справедливости: древняя исторія, обнаруживая въ пресловутыхъ аѳинскихъ демократахъ безжалостныхъ угнетателей народа, открыла мнѣ глаза и на современныхъ швейцарскихъ демократовъ, которые, при одинаковости человѣческихъ страстей, представляютъ поразительное сходство съ своими древними первообразами."

Ясно понимая слабыя стороны республики, Лагарпъ не отрицалъ возможности своего рода достоинствъ и въ абсолютномъ монархизмѣ. „За неограниченной монархіей—разсуждалъ онъ—надо признать два важныя преимущества: во 1-хъ, она попадаетъ отъ времени до времени въ руки достойныхъ вождей, во 2-хъ, исполнительная власть дѣйствуетъ съ большею скоростію, энергіею и рѣшительностію."

И вотъ желая выработать въ своемъ питомцѣ человѣка, который воспользовался бы для блага людей всѣми правами самодержавной власти и заблаговременно былъ застрахованъ отъ всѣхъ искушеній абсолютизма, Лагарпъ къ этой цѣли направилъ свои морально-политическія поученія.

Желая предохранить будущаго монарха отъ искушеній собственнаго самолюбія, Лагарпъ внушалъ между прочимъ слѣдующее: „на свѣтѣ не было бы самонадѣянныхъ гордецовъ, если бы люди чаще спрашивали себя: кто я? что я знаю?

что хорошаго я сдѣлалъ? у одного ли только меня во всемъ мірѣ есть и умъ, и дарованія, и заслуги? *Безразсудная гордость*—порокъ, который никогда не прощается правителямъ,—и можно привести рядъ земныхъ владыкъ, жестоко наказанныхъ тѣми, кого они презирали и оскорбляли. Калигула коня своего сдѣлалъ консуломъ, а шведскій король Карлъ XII осмѣлился угрожать сенату обѣщаньемъ прислать сапогъ свой въ качествѣ своего представителя; но кинжалъ убійцы отомстилъ за римлянъ, а пуля избавила Швецію отъ ея злосчастнаго властелина. Съ другой стороны посмотрите на Тита, на Траяна, который вручая мечъ свой начальнику стражи, сказалъ: *дѣйствуй имъ за меня, если буду поступать хорошо, обрати его противъ меня, если стану поступать дурно.*"

Вмѣстѣ съ тѣмъ Лагарпъ считалъ долгомъ предостеречь своего царственнаго питомца и отъ вліянія придворныхъ льстецовъ. „Берегитесь—внушалъ Лагарпъ,—людей своекорыстныхъ и ничтожныхъ, которые ради собственной выгоды станутъ увѣрять васъ, что властители не одинаковаго происхожденія со всѣми смертными и потому свободны отъ всякихъ обязанностей по отношенію къ родинѣ и къ человѣчеству. Ложно понятая слава влечетъ за собою множество бѣдъ. Соблазнительная картина суетной славы, представленная Людовику XIV злыми совѣтниками, наполнила его безразсудною гордостью и сдѣлала его бичемъ и ужасомъ нѣсколькихъ поколѣній. Продажное перо стихотворцевъ и литераторовъ превозносило его славу и увѣнчало его именемъ *великаго*. Но потомство отвергаетъ величіе въ человѣкѣ, приносившемъ десятки и сотни тысячь подданныхъ въ жертву своимъ честолюбивымъ замысламъ и грабительскимъ войнамъ,—въ человѣкѣ, изгнавшемъ изъ страны лучшую часть ея населенія и ставившемъ свой личный произволъ выше всякаго закона и требованій правосудія и справедливости".

Мертвые друзья—т. е. творенія благородныхъ мысли-

телей прежняго времени—надежнѣе для монарха, чѣмъ друзья живые, на честность и неподкупность которыхъ положиться никакъ нельзя. „Читайте и перечитывайте произведенія Цицерона,—внушалъ Лагарпъ. „Они должны войти въ составъ вашей избранной библіотеки; гражданину, призванному къ великой общественной дѣятельности, некогда тратить время на чтеніе книгъ, въ которыхъ слабая доля истины затоплена цѣлымъ моремъ многословія; но ему необходимо читать произведенія, въ которыхъ ясно и вѣрно изображаются его обязанности какъ человѣка и какъ гражданина. Не полагаясь на измѣнчивый и лицемѣрный голосъ окружающихъ, правитель народа долженъ искать вѣрныхъ друзей въ твореніяхъ великихъ писателей и въ безмолвной бесѣдѣ съ ними укрѣплять духъ и черпать познаніе жизни и людей“. Лагарпъ особенно рекомендуетъ книгу Цицерона de officiis [illegible]

Живыхъ же друзей—по мнѣнію Лагарпа—у монарха не полагается. “Лучшій и можетъ быть единственный другъ повелителя—говоритъ Лагарпъ—это сила его собственной разсудительности, съ помощію которой онъ взвѣшиваетъ доводы своихъ министровъ, совѣты друзей и похвалы царедворцевъ“.

Образцемъ частной жизни монарха Лагарпъ представляетъ Августа римскаго. „Повелитель могущественнѣйшей въ мірѣ монархіи не покидалъ своего прежняго скромнаго жилища, не держалъ многочисленной прислуги; въ общественныхъ собраніяхъ помѣщался съ прочими посѣтителями, и неоднократно являлся также въ судъ то въ качествѣ свидѣтеля, то въ качествѣ адвоката.“ Затѣмъ слѣдуетъ у Лагарпа выходка противъ придворнаго этикета, который стѣсняетъ правителя, отнимаетъ у него время, разслабляетъ его душу.

Но кромѣ этихъ—такъ сказать—моральныхъ и отрицательныхъ поученій Лагарпъ извлекалъ изъ исторіи уроки положительные и политическіе. Любовь къ низшему сословію, любовь къ просвѣщенію и уваженіе къ свободѣ чело-

вѣческой—вотъ тѣ принципы, которые Лагарпъ хотѣлъ внѣдрить въ душу своего питомца." Марій—говоритъ Лагарпъ, „былъ сынъ простаго крестьянина. Сословіе крестьянское самое неиспорченное и приносящее наиболѣе пользы: изъ него вышло наиболѣе великихъ людей. Никто не задаетъ себѣ труда позаботиться о его просвѣщеніи и оно обречено на невѣжество со всѣми его грубыми и необузданными порывами. Но по крайней мѣрѣ отдадимъ должное генію человѣка, который обязанъ всѣмъ единственно самому себѣ."

Уваженіе къ правамъ личности и свободы человѣческой Лагарпъ внушаетъ слѣдующими историческими справками:

„Побѣдителю въ родѣ Юлія Цезаря какой то воръ сказалъ: *„вся разница между мною и тобою та, что я ворую одинъ и по необходимости, а ты грабишь во главѣ многихъ тысячъ для собственнаго удовольствія и окруженъ льстецами, восхваляющими тебя за твои грабежи"*. Всегда бывали и есть низкіе люди, обвиняющіе покоренный неправдою народъ въ томъ, что онъ бунтуетъ и возмущается, стремясь разбить наложенныя на него оковы. Но если бы кто посильнѣй васъ похитилъ вашу собаку, а вы бы попытались возвратить ее, и васъ бы стали за это наказывать, нашли ли бы вы такой образъ дѣйствій справедливымъ? А именно такъ поступилъ съ галлами Юлій Цезарь,—и у нихъ отняли не собаку, а вещь священную—свободу, которую не найти снова, если разъ потерять ее".

Таже мысль, еще съ большею силою, проводится при разсказѣ о неудачныхъ возстаніяхъ гладіаторовъ. „Римъ съ обычнымъ своимъ счастьемъ восторжествовалъ въ домашней борьбѣ, но это была побѣда злаго и неправаго дѣла. Самый инстинктъ, общій всѣмъ животнымъ, заставляетъ защищаться отъ нападеній. Пчела впускаетъ свое жало въ угрожающую ей руку, и муравей язвитъ попирающую его пяту. По какому же праву человѣкъ можетъ безнаказанно угнетать себѣ подобныхъ и требовать отъ нихъ безропотнаго перенесенія жесточайшихъ страданій? Есть право за-

коннаго сопротивленія и напрасно тираны стараются увѣрить человѣчество, что возставать противъ ихъ гнета есть будто бы преступленіе".

На мѣсто владычества грубой силы Лагарпъ вооружаетъ идеальнаго монарха духовнымъ владычествомъ, которое дается заботами о просвѣщеніи подданныхъ. „Предѣлъ безумныхъ желаній деспотизма есть владычество надъ мыслями подданныхъ. Иначе думаетъ и дѣйствуетъ мудрый правитель. Онъ сознаетъ, что каковы бы ни были заблужденія и предразсудки народа, ихъ невозможно истребить насильственными мѣрами, и народъ отстаиваетъ съ несокрушимою стойкостію и упорствомъ все то, что привыкъ считать за истину. Какъ же слѣдуетъ поступать въ семъ случаѣ просвѣщенному правителю, проникнутому чувствомъ гражданина? Онъ долженъ дать свободу слова писателямъ, разоблачающимъ ложныя мнѣнія логическими доводами и неотразимою силою насмѣшки. Онъ долженъ пересоздать общественное воспитаніе и тѣмъ приготовить новыя поколѣнія съ инымъ образомъ мыслей, свободнымъ отъ предразсудковъ, унижающихъ человѣческое достоинство. Только такимъ путемъ задуманное дѣло получаетъ прочность и силу. Всякія же быстрыя, внезапныя и насильственныя мѣры бываютъ дѣйствительны только на самое короткое время и неминуемо влекутъ за собою народное неудовольствіе".

И все таки, начертавъ для Александра образъ идеальнаго монарха, Лагарпъ не счелъ нужнымъ скрыть своихъ убѣжденій относительно преимущества конституціонной монархіи предъ неограниченною. „Монархія ограниченная",—разсуждалъ Лагарпъ, „не подвергаясь крайностямъ абсолютизма и республики, соединяетъ въ себѣ выгоды обоихъ, и потому она наиболѣе приближается къ идеалу государственнаго устройства".

О достоинствѣ Лагарпова воспитанія разсуждали различно. Крыловъ въ своей извѣстной баснѣ *о воспитаніи*

льва орломъ старается образно доказать, *что львенокъ не тому, что надобно, учился.* Кажется нельзя согласиться съ заключеніемъ баснописца. Напротивъ необходимо и полезно было, чтобы въ душѣ будущаго монарха былъ заложенъ твердый оплотъ противъ искушеній деспотизма. Что же касается до привычекъ и пріемовъ абсолютизма, то къ сожалѣнію усвоять ихъ никогда не поздно и особо учиться имъ нѣтъ надобности. Именно такъ и оцѣнивала вліяніе Лагарпа импер. Екатерина. Она просматривала его уроки, называла его въ шутку m—r jacobin, но вмѣстѣ говорила: „будьте якобинцемъ, республиканцемъ, чѣмъ вамъ угодно; я вижу, что вы честный человѣкъ, и этого мнѣ довольно; оставайтесь при моихъ внукахъ и ведите свое дѣло также хорошо, какъ вели до сихъ поръ“.

Мы такъ долго остановились на урокахъ Лагарпа, потому что они опредѣлили собою всю положительную сторону убѣжденій Александра. Скромность въ частной жизни, заботы о просвѣщеніи, сочувствіе къ низшему классу, уваженіе правъ человѣчества въ каждомъ человѣкѣ, какъ бы онъ ни былъ низко поставленъ, наконецъ предпочтеніе конституціонной формы правленія,—всѣ эти черты, такъ рѣзко выдѣлявшія Александра изъ ряда другихъ вѣнценосцевъ, служатъ непосредственнымъ выводомъ изъ посылокъ, положенныхъ Лагарпомъ.

Но конечно и въ воспитательномъ вліяніи Лагарпа, какъ и во всякой человѣческой дѣятельности, можно видѣть и пробѣлы, и несовершенства. Пробѣломъ, который впослѣдствіи былъ восполненъ самимъ Александромъ,—можно назвать слабость и почти совершенное игнорированіе христіански—религіознаго элемента. Неблагопріятною же стороною Лагарпова вліянія можно назвать настойчивое предубѣжденіе противъ лицъ, окружающихъ монарха. Это предубѣжденіе, подкрѣпленное горькими опытами жизни, дало впослѣдствіи ту скрытность и подозрительность, кото-

рыя составляли душевную болѣзнь Александра, особенно въ послѣдніе годы его царствованія.

Наряду съ положительнымъ вліяніемъ Лагарпа въ юные годы Александра стояло и другое вліяніе—отрицательное. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ онъ видѣлъ предъ собою помпу пышнаго и распущеннаго двора Екатерины, разладъ отца и бабки, или стараго и молодаго двора,—былъ затѣмъ свидѣтелемъ крутаго и непослѣдовательнаго правленія Павлова,—пріучился молчать и слагать въ сердцѣ своемъ, *какимъ быть не слѣдуетъ.* Молчаливое и затаенное въ душѣ, не могущее высказаться, осужденіе обыкновенно содѣйствуетъ въ образованію окончательныхъ безповоротныхъ убѣжденій противуположнаго характера. Такъ и теперь!

Зрѣлище пышнаго и распущеннаго двора Екатерины, оцѣниваемое съ точки зрѣнія Лагарповыхъ идей,—заставило Александра вздыхать по прелестямъ частной жизни. „Дворъ созданъ не для меня", писалъ юный Александръ къ В. П. Кочубею. „Я всякій разъ страдаю, когда долженъ являться на придворной сценѣ. Сколько крови портится при видѣ всѣхъ низостей, совершаемыхъ ежеминутно для полученія какого нибудь отличія, за которое я не далъ бы мѣднаго гроша. Истинное несчастіе—находиться въ обществѣ такихъ людей. Словомъ—я сознаю, что не созданъ для такого мѣста, которое занимаю теперь, а еще менѣе для того, которое предназначено мнѣ въ будущемъ; я далъ обѣтъ отдѣлаться отъ него тѣмъ или другимъ путемъ... Мой планъ такой, чтобы по отреченіи отъ этого труднаго поприща поселиться съ женой на берегахъ Рейна, гдѣ буду жить спокойно частнымъ человѣкомъ, наслаждаясь своимъ счастіемъ въ кругу друзей и въ изученіи природы".

Крутое, безсистемное правленіе имп. Павла, опредѣлявшееся случайнымъ настроеніемъ духа государя, тяжелое и для правителя и для управляемыхъ,—возбудило въ Александрѣ предубѣжденіе противъ абсолютизма верховной власти и желаніе *закона*, равно непреложнаго и обязательнаго и

для властителя и для подвластныхъ. Въ письмѣ къ Лагарпу онъ жаловался на тогдашнюю жизнь въ Петербургѣ, гдѣ „капралъ предпочитается человѣку образованному и полезному“.

Служебная дѣятельность при имп. Павлѣ, который ненавидѣлъ якобинство во всѣхъ его видахъ и причислялъ Лагарпа къ якобинцамъ,—дѣятельность въ товариществѣ съ Архаровымъ имп. Аракчеевымъ,—конечно утвердила въ Александрѣ высказываемое имъ еще прежде отвращеніе отъ деспотизма во всѣхъ его видахъ.

Наступило роковое 12 марта 1801 года и Александръ I является на престолѣ всероссійскомъ. Быть можетъ отъ начала міра ни одинъ вѣнценосецъ не входилъ на престолъ съ такимъ уныніемъ, съ такимъ нежеланіемъ, съ такою жгучею болью въ сердцѣ, какъ имп. Александръ.—Онъ и безъ того тяготился полнотою ожидавшей его самодержавной власти; внезапная и поразительная смерть отца и предшественника довела это чувство до крайней степени. Есть положительное извѣстіе, что только усиленныя настоянія окружающихъ заставили Александра покориться своей судьбѣ, чтобы спасти отечество отъ анархіи.

Но радость друзей отечества быть можетъ превосходила еще ту печаль, какою на первыхъ порахъ былъ объятъ молодой монархъ.—И замѣчательно, что какъ ни сдержанно велъ себя Александръ во все предшествовавшее царствованіе,—его гуманныя и либеральныя убѣжденія ни для кого не были тайною, и люди самые различные встрѣтили воцареніе Александра съ одинаковыми надеждами и привѣтствіями. „Я не поздравляю васъ съ тѣмъ,—писалъ Лагарпъ,—что вы сдѣлались владѣтелемъ 36 милліоновъ подобныхъ себѣ людей, но я радуюсь, что судьба ихъ отнынѣ въ рукахъ монарха, который убѣжденъ, что человѣческія права не простой призракъ, и что глава народа есть его первый слуга“. М. Платонъ былъ человѣкъ другаго по-

кроя, чѣмъ Лагарпъ, но и онъ въ привѣтственной рѣчи на коронацію выразился въ такомъ же смыслѣ, и почти въ такихъ же словахъ, и даже съ упоминаніемъ о правахъ человѣчества. „Предстанетъ предъ тобою и самое человѣчество въ первобытной своей и нагой простотѣ, безъ всякаго отличія по рожденію и происхожденію. *Взирай!* возопіетъ, *общій Отецъ, на права человѣчества. Мы равно всѣ чада твои. Никто не можетъ предъ тобою быть изверомъ, развѣ утѣснитель человѣчества и подымающій себя выше предѣловъ его*". Въ народѣ вѣсть о воцареніи Александра произвела такой энтузіазмъ, что всѣ, знакомые и незнакомые, привѣтствовали другъ друга, какъ въ день свѣтлаго праздника. Современникъ такъ описываетъ впечатлѣніе коронаціи: „въ лицѣ государя было болѣе задумчивости, робости, чѣмъ смѣлости: онъ какъ бы чувствовалъ всю важность, всю тягость царской власти, которую принялъ. Не страхъ внушали его взгляды кроткіе, привѣтливые, но безпредѣльную любовь, сочувствіе и готовность на самопожертвованіе. Каждый мысленно ободрялъ его: *смѣлѣе! смѣлѣе! вѣрь, что господство дикой власти менѣе надежно, чѣмъ господство разума,— что проявленіе благотворнаго добра въ нравственной жизни также необходимо, какъ проявленіе солнечной теплоты въ царствѣ растительномъ. Смѣлѣе! смѣлѣе!—Богъ милостивъ: мы за тобой*"!

Рядъ дѣйствій, послѣдовавшихъ за воцареніемъ, оправдывалъ надежды друзей человѣчества. Каждое распоряженіе снимало какія нибудь старыя оковы, открывало свободный путь къ новой и благотворной дѣятельности.

Воспитанникъ Лагарпа, другъ просвѣщенія и свободы, врагъ этикета сказался вполнѣ.

Обращено было вниманіе на народное образованіе. Екатерининскія главныя и малыя училища преобразованы,— первыя въ гимназіи, вторыя въ уѣздныя училища. Сверхъ того учреждены приходскія училища, готовились уставы университетовъ и въ непродолжительномъ времени открыты

университеты въ Казани и Харьковѣ,—(гораздо позже въ С.-Петербургѣ); коммисія духовныхъ училищъ приводила ихъ въ тотъ видъ, въ какомъ они существовали до послѣдняго времени.—Дозволенъ впускъ иностранныхъ всякаго рода книгъ и нотъ; дозволены частныя типографіи; дано самое широкое поощреніе русской литературѣ, какъ оригинальной, такъ и переводной,—и наконецъ изданъ знаменитый указъ 1809 года, по которому право на средніе и высшіе чины, начиная съ IX класса, а слѣдовательно и на соотвѣтственныя должности,—поставлено въ зависимость отъ университетскаго диплома.

До какой степени возбудительно дѣйствовалъ личный примѣръ и образъ мыслей государя, видно изъ тѣхъ щедрыхъ пожертвованій, которыя посыпались отъ частныхъ лицъ на дѣло народнаго образованія.—Довольно припомнить пожертвованія Демидова и Безбородки, обезпечившія открытіе и существованіе лицеевъ Ярославскаго и Нѣжинскаго.

Еще болѣе сдѣлано для свободы людей и въ частности для свободы низшаго класса: уничтожена тайная канцелярія, уничтожены пытки, возстановленъ законъ, освобождающій священниковъ и діаконовъ отъ тѣлеснаго наказанія. Запрещено продавать крестьянъ безъ земли; изданъ указъ *о свободныхъ хлѣбопашцахъ*—первая проба отмѣны крѣпостнаго права; прекращена раздача крестьянскихъ душъ отъ царя сановникамъ, такъ сильно практиковавшаяся въ предъидущія царствованія.—Вотъ что отвѣчалъ государь одному изъ сановниковъ, просившему пожалованія имѣніемъ: „Большая часть крестьянъ въ Россіи рабы; считаю лишнимъ распространяться объ уничиженіи человѣчества и о несчастіи подобнаго состоянія. Я далъ обѣтъ не увеличивать числа ихъ и поэтому взялъ за правило не раздавать крестьянъ въ собственность“.—До какой степени и тутъ—въ учрежденіи свободныхъ хлѣбопашцевъ—имѣли вліяніе личные вкусы императора, показываетъ характер-

ный отзывъ Державина, не дѣлающій впрочемъ чести знаменитому поэту. Именно—Державинъ увѣряетъ, что предположеніе о свободныхъ хлѣбопашцахъ выдумано С. П. Румянцевымъ—*смѣю сказать—изъ подлой трусости, чтобы подольститься къ государю*, воспитанному въ либеральномъ духѣ Лагарпомъ. Много лѣтъ спустя, когда Александръ, будучи въ Парижѣ, горячо возставалъ противъ торговли неграми, нѣкто позволилъ себѣ замѣтить, что въ Россіи существуетъ же крѣпостное право: государь нѣсколько смутился, но тотчасъ же оправился и отвѣчалъ: „ваша правда! въ Россіи есть крѣпостные, но есть еще очень большая разница между ними и неграми: но я не хочу ссылаться на это и объявляю, что крѣпостное право также дурно, что оно должно быть уничтожено и что съ Божіею помощію оно прекратится еще въ мое правленіе“.

Простота частной жизни государя была такъ велика, что на взглядъ стариковъ Екатерининскаго времени, ею даже ронялось свойственное царю величіе.—Не безъ намѣренія въ оффиціальныхъ актахъ употреблялись выраженія: *отечество* въ смыслѣ верховной власти, *русскіе подданные*, вмѣсто *наши подданные* и эти особенности съ чрезвычайною чуткостію подмѣчались и друзьями свободы и друзьями стараго порядка. Были у Императора Александра и приближенные; Кочубей, Новосильцевъ, Чарторыйскій, Строгоновъ,—впослѣдствіи Сперанскій,—но какъ существенно различны они отъ временщиковъ прежняго времени! Ни вкуса къ интригѣ, ни жажды къ наживѣ и отличіямъ, ни духа угодливости въ нихъ не замѣчалось. Первые четыре, составляя, какъ въ шутку выражался Александръ, Comitè du salut public, не занимали видныхъ мѣстъ и не имѣли особенныхъ отличій (Новосильцевъ напримѣръ украшался только Владиміромъ 4-й степени). Сперанскій въ своемъ пермскомъ письмѣ могъ говорить объ эпохѣ своей приближенности къ Государю, какъ о дѣлѣ прошломъ, въ такихъ выраженіяхъ: „во всѣхъ представленіяхъ моихъ я имѣлъ дѣло съ однимъ вашимъ

разумомъ и никогда не хотѣлъ обольщать вашего сердца. Вашъ разумъ и строгая съ моей стороны логика были одни мои орудія; въ нихъ состояла вся тайна моихъ работъ и успѣховъ. Никогда и ни въ чемъ важномъ не желалъ, да и не могъ я получить вашего согласія иначе, какъ посредствомъ самыхъ точныхъ доказательствъ и разсужденій. Для сего сочиняемы были мною не докладныя записки, но, можно сказать, цѣлыя книги. Во все время, какъ я пользовался вашимъ довѣріемъ, кого и чѣмъ я очернилъ, помрачилъ или кому старался повредить въ очахъ вашихъ? На кого навелъ я какую нибудь тѣнь подозрѣнія? Напротивъ я всегда желалъ и при всѣхъ случаяхъ старался питать и возвышать въ душѣ вашей ту любовь къ человѣкамъ, ту кротость и снисхожденіе, коими Богъ и природа съ благости своей васъ одарили!"—

Но мы не обозначили бы сущности политическихъ начинаній императора Александра, если бы ограничились тѣмъ, что сказано. Конечно заботы о просвѣщеніи и улучшеніи быта подданныхъ—заботы весьма похвальныя; но не въ этомъ было главное дѣло. Теорія Лагарпа и практика Павлова царствованія привели императора Александра къ убѣжденію въ необходимости существенно измѣнить характеръ управленія, поставить въ основу правленія *законъ*, равно обязательный для правителя и для управляемыхъ и оградить отечество однажды навсегда отъ случая и произвола. Когда то Александру было сказано, что его личность замѣняетъ конституцію и служитъ лучшею гарантіею для подданныхъ. *Пусть такъ*, возразилъ Александръ, *но все таки это будетъ только счастливая случайность.*

Желаніе выдвинуть на первый планъ *законъ* проявлялось весьма рѣзко въ рѣчахъ государя и въ рѣчахъ его приближенныхъ. Въ оффиціальномъ актѣ Государь высказывался, что „въ единомъ *законѣ* постановляетъ онъ начало и источникъ народнаго блаженства и удостовѣренъ, что всѣ мѣры могутъ сдѣлать въ государствѣ счастливыя времена, но единый *законъ* можетъ утвердить ихъ на вѣки." Не могу,—

однажды говорилъ Государь, отказываясь исполнить какую то просьбу,—и потому не могу, что этому препятствуетъ нѣчто высшее меня, именно *законъ.*“

Въ понятіи о законѣ, которому подчиняется самъ государь, заключалась уже идея объ органиченіи абсолютной монархіи. Форма этого ограниченія оставалась вопросомъ открытымъ,—и учрежденіе государственнаго совѣта и министерствъ были первые шаги въ общей реформѣ управленія. Что государственному совѣту на первыхъ порахъ придавалось существенное и реальное участіе въ управленіи,—это доказывается какъ выраженіемъ въ оффиціальныхъ актахъ отъ имени государя: *внявъ мнѣнію Совѣта*, такъ равно хотя бы и слѣдующимъ приступомъ къ извѣстному мнѣнію Мордвинова объ эмбенскихъ водахъ: „Если разсуждать только по одному отношенію къ самодержавной власти,—говоритъ Мордвиновъ,—конечно весьма легко рѣшить все дѣло.—Неограниченною волею государя воды сіи отданы частному человѣку; неограниченная воля другаго государя, ему равнаго, можетъ имъ взять обратно: опредѣлить за нихъ вознагражденіе, большее или меньшее, или не опредѣлять никакого—зависитъ отъ его хотѣнія. Тутъ не можетъ быть вопроса ни о справедливости, ни о несправедливости. Въ понятіи власти произвольной все смѣшано и нѣтъ въ ней ничего несправедливаго, ибо она сама есть первая несправедливость: въ семъ понятіи не было бы никакой нужды спрашивать у Совѣта мнѣнія о семъ дѣлѣ, развѣ о томъ, какимъ образомъ дѣйствія самовластія прикрыть видомъ общественной пользы. Но я думаю и думать не престану, что государь, предлагая сіе дѣло Совѣту, вопрошаетъ его не о благовидности, а о справедливости, и слѣдовательно желаетъ, чтобы вопросъ сей былъ изслѣдованъ въ понятіяхъ правленія монархическаго.“

Противупоставляя монархію произволу, Мордвиновъ очевидно имѣетъ въ виду монархію, въ извѣстномъ отношеніи ограниченную.

Государственный совѣтъ и министерства были только начатками преобразованія въ формѣ управленія; планъ общаго преобразованія не осуществился, и остался только на бумагѣ какъ стертый временемъ очеркъ смѣлаго карандаша. Окончательная редакція плана принадлежитъ Сперанскому; Сперанскій въ письмѣ къ Александру заявлялъ, что онъ давалъ только *систематическое расположеніе* идеямъ, занимавшимъ государя; самъ же государь впослѣдствіи говорилъ, что Сперанскій развилъ и притомъ невѣрно мысли Лагарпа. Конечно нѣтъ возможности и надобности разграничивать, что въ этомъ планѣ принадлежитъ Лагарпу, что Сперанскому и что самому государю. Довольно сказать, что было время, когда этотъ планъ во всей цѣлости былъ принимаемъ государемъ, и если не осуществился сразу во всей полнотѣ, то единственно по свойственной Александру осторожности и изъ опасенія людей, которые были болѣе монархистами, чѣмъ самъ монархъ. Даже въ настоящее время, чрезъ 70 почти лѣтъ послѣ написанія, проэктъ поражаетъ насъ крайнею смѣлостію и рѣзкостію своихъ основоположеній.

„Къ чему"—говоритъ проэктъ, критикуя настоящій порядокъ управленія,—„къ чему служатъ законы, опредѣляющіе право собственности каждаго, когда сама эта собственность не имѣетъ никакого прочнаго и опредѣленнаго основанія? Къ чему гражданскіе законы, когда ихъ таблицы могутъ каждый день разбиться о первый камень абсолютизма? Къ чему стараться просвѣтить раба, если просвѣщеніе не должно имѣть на него другого дѣйствія, кромѣ того, что оно заставитъ его еще болѣе почувствовать тягость своего положенія?...

Умы находятся въ тягостномъ безпокойствѣ; и это безпокойство можно объяснить только полнымъ измѣненіемъ происшедшимъ въ мнѣніяхъ, только желаніемъ другаго правленія, желаніемъ, пожалуй неопредѣленнымъ, но тѣмъ не менѣе живымъ...."

Въ основѣ реформы проэктъ ставитъ два положенія: 1-е, что основные законы государства должны быть дѣломъ націи, 2-е что основные законы государства полагаютъ границы абсолютной власти.

Въ главѣ *о духѣ органическихъ законовъ* излагается система учрежденій, по отношенію къ которой государственный совѣтъ и министерства составляютъ только фрагментъ. По проэкту законодательство государства ввѣрялось думѣ; судъ—сенату; администрація—министерству. Дѣйствіе этихъ трехъ учрежденій соединяется въ государственномъ совѣтѣ и чрезъ него восходитъ къ престолу. Государственная дума имѣла значеніе законодательнаго собранія, изъ депутатовъ отъ всѣхъ свободныхъ классовъ. Дума должна была обсуждать законы, предлагаемые правительствомъ, получать отчеты отъ министровъ, и назначать сенаторовъ.

Проэктъ предполагалъ особыя инстанціи въ нисходящемъ порядкѣ а.) *для законодательства*: губернская дума, уѣздная дума, волостная б.) *для суда*: губернскій судъ, уѣздный судъ, волостной судъ. в.) *для администраціи*: губернское управленіе, уѣздное управленіе, волостное управленіе.

По прочтеніи этаго проэкта у насъ возникаетъ представленіе, что въ началѣ правленія Александра существовалъ сильный и хорошо организованный заговоръ противъ правительственнаго абсолютизма. Хитрость этог заговора состояла между прочимъ въ томъ, чтобы провести переустройство учрежденій по возможности незамѣтнымъ образомъ. Судя по преданіямъ прежнихъ царствованій, заговорщикамъ слѣдовало бы поплатиться ссылкою, если не чѣмъ либо худшимъ; но бѣда въ томъ, что во главѣ предпріятія стоялъ самъ молодой государь, а его ближайшіе совѣтники были только органомъ его идей. И мы невольно должны преклониться предъ великодушнымъ государемъ, слагавшимъ съ себя часть своихъ державныхъ правъ и желавшимъ подне-

сти народу сладкій даръ свободы съ трогательною скромностію.

Далеко не все проэктируемое осуществилось.—Нашлось не мало людей, которымъ хорошо жилось и при старыхъ порядкахъ, которые боялись перемѣны; и выразителемъ мнѣнія такихъ людей явился краснорѣчивый Карамзинъ съ своею запискою *о старой и новой Россіи.* Карамзинъ выражалъ общій голосъ народа русскаго, который привыкъ управляться патріархально, видѣть гарантію для себя въ личномъ благодушіи государя и вѣрить, что Богъ, спасавшій Россію прежде и посылавшій ей добрыхъ государей, пошлетъ таковыхъ же и на будущее время.

„Кто вѣритъ Провидѣнію,—говоритъ Карамзинъ,—да видитъ въ зломъ самодержцѣ бичь гнѣва небеснаго! Снесемъ его какъ бурю, землетрясеніе, язву,—феномены страшные, но рѣдкіе: ибо мы въ теченіе 9 вѣковъ имѣли только двухъ тирановъ...“

Возраженіе Карамзина конечно не было новостью для Александра. Онъ зналъ традиціонную привязанность русскихъ къ самодержанію; мало этого—кромѣ религіозныхъ мотивовъ видѣлъ въ ней и соціальную основу. «Я нахожу въ Россіи» говоритъ проэктъ Сперанскаго,“—только два сословія: это рабы верховной власти и рабы землевладѣльцевъ. Первые свободны только относительно послѣднихъ: въ дѣйствительности въ Россіи нѣтъ свободныхъ людей, кромѣ нищихъ и философовъ. Что окончательно уничтожаетъ въ русскомъ народѣ всякую энергію, это тѣ отношенія въ которыхъ поставлены между собою эти два класса рабовъ. Интересъ дворянства требуетъ, чтобы крестьяне были ему совершенно подчинены: интересъ крестьянъ требуетъ, чтобы дворяне точно также были подчинены коронѣ. Престолъ всегда представляется крестьянамъ, какъ единственный противовѣсъ власти ихъ господъ.“—Религіозный мотивъ въ пользу абсолютнаго самодержація—быть можетъ—и не представлялся Александру рѣшительнымъ возраженіемъ про-

тивъ его намѣреній. Государь могъ думать, что промыслъ Божій, покровительствовавшій Россіи при монархахъ абсолютныхъ, не престанетъ покровительствовать и при монархахъ конституціонныхъ. Но практическія затрудненія, указанныя Карамзинымъ, были предъусмотрѣны и въ *проэктѣ*, не нашли себѣ надлежащаго разрѣшенія и конечно были главною причиною, почему дѣло затянулось.—„Кому дадимъ право блюсти неприкосновенность закона?“ возражаетъ Карамзинъ. „Сенату ли? совѣту ли? Кто будутъ члены ихъ? Выбираемые государемъ или государствомъ? Въ первомъ случаѣ они угодники царя, во второмъ захотятъ спорить съ нимъ о власти... Далѣе: что сдѣлаютъ сенаторы, когда монархъ нарушитъ Уставъ? Представятъ о томъ Его Величеству? А если онъ десять разъ посмѣется надъ ними, объявятъ ли его преступникомъ? возмутятъ-ли народъ? Всякое доброе сердце содрагается отъ сей ужасной мысли.“ Пусть этотъ случай немыслимъ въ приложеніи къ самому Александру. „Но если онъ предпишетъ власти какой либо уставъ, будетъ ли его клятва уздою для его преемниковъ безъ другихъ способовъ, невозможныхъ или опасныхъ для Россіи?“

Возраженія Карамзина были предъявлены въ то время когда шумъ бранныхъ тревогъ уже увлекъ государя въ міръ другихъ заботъ и отношеній. Мы не можемъ и не имѣемъ цѣлію слѣдить ходъ наполеоновскихъ войнъ; для насъ важно выяснить общій итогъ ихъ по отношенію къ внутренней жизни государя и показать, какимъ образомъ случилось, что наполеоновскія войны провели рѣзкую черту и въ психической жизни Александра и въ характерѣ его царствованія.

Александру достался сильный соперникъ въ лицѣ Наполеона. Соперничество ихъ было неизбѣжно. Борьба съ Франціей навязывалась традиціями русской политики.—Еще Екатерина задумывала устроить коалицію противъ францу-

ской революціи и послать Суворова бить французовъ, но не спѣшила исполненіемъ этого предпріятія. Павелъ, быстрый и стремительный, врагъ революціи по принципу, дѣйствительно воевалъ противъ французовъ въ коалиціи съ австрійцами и англичанами, но въ концѣ концовъ рассорился съ своими союзниками.

Александръ самъ по себѣ ничего не имѣлъ противъ революціонныхъ началъ, но въ его время изъ Франціи грозила Европѣ уже не революція. Изъ революціи выродился геніальный завоеватель, императоръ Франціи Наполеонъ, желавшій замѣнить право силою, захватить себѣ гегемонію надъ всею Европою и разсаживавшій своихъ родственниковъ на престолахъ сосѣднихъ государствъ. Россія представлялась единственнымъ противовѣсомъ противъ новаго Аттилы и Чингисъ-хана, двигавшагося съ запада на востокъ во всеоружіи цивилизаціи и тѣхъ средствъ, какія давала она для войны. Чувство самосохраненія должно было заставить Александра приняться пособлять тушить пожаръ, пока еще горѣлъ домъ сосѣда, а не загорался свой собственный. И это казалось тѣмъ нужнѣе, что на краю собственныхъ владѣній лежалъ горючій матеріалъ; мы разумѣемъ Польшу. Александръ лично ничего не имѣлъ противъ освобожденія Польши, но желалъ, чтобы свободу Польша получила изъ его рукъ, а не изъ чужихъ.—Какъ-бы то ни было, но Александръ выступилъ на борьбу съ Наполеономъ, сначала въ союзѣ съ Австріей, потомъ въ союзѣ съ Пруссіей, оба раза неудачно. Затѣмъ послѣдовало сближеніе между двумя императорами, на первыхъ порахъ вѣроятно искреннее, весьма выгодное для Россіи, но въ тоже время крайне непопулярное.—Наполеонъ предлагалъ Россіи взять Финляндію, взять, что угодно на востокѣ, вызывался изгладить имя Польши даже изъ исторіи. «Скажите своему государю,» говорилъ Наполеонъ флигель адъютанту русскаго императора Волконскому. „Міръ, какъ это яблоко, которое я держу въ рукѣ. Мы можемъ разрѣзать его на двѣ

части, — и каждый изъ насъ получитъ половину. Для этого намъ нужно только быть согласными и дѣло сдѣлано.“ Но за дозволеніе получить половину міра Россія должна была идти на буксирѣ у французской политики. Въ этихъ отношеніяхъ было—должно полагать—очень много невозможнаго и унизительнаго, потому что чрезъ немного лѣтъ оба императора смертельно невзлюбили другъ друга. Наполеонъ назвалъ Александра византійскимъ грекомъ и ринулъ въ Россію полумилліонную армію изъ галловъ и съ ними двадесяти языковъ. Онъ готовъ былъ воевать противъ Россіи всѣми средствами, даже безчестными, не исключая фальшивыхъ ассигнацій. Александръ съ своей стороны заявилъ, что онъ скорѣе удалится въ Сибирь, нежели поддастся Наполеону. *Онъ или я: я или онъ, но вмѣстѣ мы царствовать не можемъ.* Въ эту тяжкую годину Александръ нашелъ въ своемъ народѣ столько преданности, любви и самоотверженія, больше чего не могъ ни ожидать, ни желать, ни требовать.—Общій подъемъ народнаго духа помогъ государю выбросить враговъ изъ родной страны. На этомъ, по мнѣнію Кутузова, можно было бы и остановиться. Но раздраженіе противъ Наполеона было слишкомъ сильно, невозможность совмѣстнаго съ нимъ царствованія—слишкомъ очевидна для Александра, и онъ не усомнился стать во главѣ европейской коалиціи противъ Наполеона, и на этотъ разъ успѣшно, хотя не безъ труда, не безъ потерь и не безъ колебаній счастія. *Въ Парижѣ русскіе отмстили честно пожаръ московскій.* Наполеонъ былъ низложенъ.

Таковъ внѣшній обликъ событій. Отмѣтимъ вліяніе ихъ на духъ Александра. α.) Извѣстно, что неудачи волнуютъ, раздражаютъ, озлобляютъ: даже когда они минуютъ, на душѣ остается отсадокъ горькаго чувства. Чтобы не ходить далеко за примѣрами, припомнимъ хотя недавнія чувства, волновавшія русскихъ и болгаръ послѣ плевненскихъ неудачъ. У императора Александра натура была

нѣжная, нервная, чувствительная, а во время борьбы съ Наполеономъ ему приходилось переть отчаянныя, жгучія положенія. Припомнимъ хотя напримѣръ—аустерлицкій разгромъ или пожаръ Москвы. Такія впечатлѣнія трудно переживаются и оставляютъ по себѣ тяжкіе, неизгладимые слѣды. Если вскрываются и болятъ раны физическія, то отчего же не болѣть и ранамъ душевнымъ? Это случилось и съ Александромъ. Уже послѣ Аустерлицкаго побоища окружающіе государя замѣтили, что онъ сталъ суше, строже, взыскательнѣе. Тоже самое въ большей степени замѣтили всѣ по возвращеніи царя изъ Парижа. Благодушіе Александра помутилось: его всегдашняя кротость и доброта не изчезли: но онѣ утратили свою свѣжесть и непосредственность, онѣ казались болѣе слѣдствіемъ самообладанія, чѣмъ непосредственнымъ вліяніемъ благостной природы. Но бывали времена, когда черныя тучи надвигали на душу государя и кроткій Александръ становился неузнаваемъ.— Это былъ не единственный результатъ борьбы съ Наполеономъ: она оказала вліяніе и на внутреннюю политику Александра.

β.) Наполеоновскія войны,—особенно война 1812 года,—грозили отечеству страшною опасностію. Россія должна была напрягать всѣ усилія, чтобы спастись отъ страшнаго завоевателя. Въ такое время было не до конституціи. Обыкновенно въ тяжелыя времена власть сосредочивается въ однихъ рукахъ: припомнимъ римскихъ диктаторовъ. Въ 1812 году народъ болѣе чѣмъ когда нибудь держался за единаго самодержавнаго государя и жертвою такого настроенія общественнаго и народнаго мнѣнія сдѣлался бѣдный Сперанскій. Паденіе его,—по отзывамъ современниковъ,—было встрѣчено съ такимъ восторгомъ, какъ выигранная побѣда или какъ избавленіе отъ величайшаго государственнаго злодѣя. А между тѣмъ этотъ человѣкъ искренно любилъ Россію и виновенъ былъ только въ томъ, что конституціон-

нымъ идеямъ, занимавшимъ государя, давалъ систематическое расположеніе. Простившись съ Сперанскимъ, государь простился вмѣстѣ и съ своими конституціонными идеями, по крайней мѣрѣ въ приложеніи ихъ къ Россіи. Полнота самодержавной власти, сконцентрированной въ однихъ рукахъ, нужна была ему сначала для борьбы съ Наполеономъ, потомъ для того, чтобы имѣть сильный голосъ въ ареопагѣ европейской политики.

γ.) Характеръ послѣдующей внѣшней политики Александра также значительно обусловленъ былъ борьбою съ Наполеономъ. Наполеонъ былъ чадо тѣхъ идей, которыя создали французскую революцію. Онъ былъ императоръ не по преданію и наслѣдству, не Божіею милостью, а своими дарованіями и народнымъ избраніемъ; низвергнувъ его, можно было поставить только старый порядокъ до революціи, выдвинуть впередъ только тѣхъ людей, которые ничему не научились и ничего не забыли, Бурбоновъ, де-Местра и т. под. Такой результатъ былъ для Александра и несогласенъ съ его идеями раннихъ лѣтъ и не жиданъ, но онъ былъ неизбѣженъ. Реакція и реставрація—то есть порядокъ вещей, уже осужденный исторіею, долженъ былъ замѣстить Наполеона во внѣшней политикѣ,—а это въ свою очередь не могло не отразиться и во внутренней администраціи.

δ.) Но самымъ важнымъ послѣдствіемъ эпохи наполеоновскихъ войнъ долженъ быть признанъ новый элементъ, привзошедшій въ характеръ Александра это религіозность нѣсколько своеобразнаго характера. Практическая религіозность, состоявшая въ кроткомъ и братскомъ отношеніи къ людямъ, какъ чадамъ одного Отца небеснаго, никогда не была чужда душѣ Александра. Но тяжкія испытанія наполеоновскихъ войнъ развили въ Александрѣ тотъ видъ религіозности, которую можно назвать *мистико-созерцательною*, которая имѣетъ исходнымъ пунктомъ полное сознаніе собственнаго безсилія и состоитъ въ перенесеніи мыслей, надеждъ, чувствованій и желаній въ тотъ невѣдомый и таин-

ственный міръ, въ которомъ сосредоточены всѣ лучшія упованія христіанина и къ которому путники сей жизни съ каждымъ днемъ приближаются. Усталой и измученной житейскою борьбою душѣ сродна и естественна подобная религіозность; какъ человѣка, она рекомендуетъ Александра, какъ нельзя болѣе; но едва-ли она могла бы помочь правителю управиться съ *злобою дня*, пройти благополучно сквозь рядъ отношеній, къ которымъ утраченъ уже всякій интересъ; едва-ли могла бы дать охоту не только руководить общественною жизнію, но даже сдавать сколько нибудь исправно текущія дѣла. Какъ бы то ни было, но съ 1812 года Александръ вступилъ въ полосу мистико-созерцательной религіозности. Извѣстны его знаменитыя и такъ многократно цитованныя слова, обращенныя къ прусскому епископу Эйлерту: „искупленіе Россіи было моимъ собственнымъ искупленіемъ. Судъ Божій, совершившійся на ледяныхъ поляхъ Россіи, научилъ меня познать Бога, какъ открываетъ его намъ св. евангеліе.“ Умиленіе, сознаніе своей грѣховности, любовь къ уединенію, къ молитвѣ, къ чтенію св. писанія, трогательное смиреніе—сдѣлались съ тѣхъ поръ выдающимися чертами нравственной личности государя. Александръ, самъ обратившись къ библіи, сталъ заботиться о распространеніи ея въ народѣ посредствомъ библейскихъ обществъ. Какъ прежде государь любилъ входить въ интимныя сношенія съ Лагарпомъ и Парротомъ, представителями науки и общественной мысли, стоявшими вдали отъ придворныхъ отношеній; такъ теперь Александръ искалъ удовлетворенія своимъ душевнымъ стремленіямъ въ сближеніи съ людьми духовной жизни. Есть преданіе, что въ самое тяжкое время 1812 года государь призывалъ къ себѣ нѣкоего монаха Авеля, славившагося даромъ пророчества, и монахъ успокоилъ государя предсказаніемъ о взятіи Парижа. Въ 1815 году мы видимъ около государя экзальтированную г-жу Криденеръ, участія которой въ актѣ *священнаго союза* отрицать не возможно. Мы видимъ, что государь бесѣдуетъ съ квакерами, молится съ

ними, цѣлуетъ руки у ихъ старѣйшины. Мы видимъ, что государь посѣщаетъ схимниковъ кіево-печерскаго и александроневскаго, молится съ ними и вступаетъ въ духовную бесѣду,—и даже удостоиваетъ выслушивать извѣстнаго юрьевскаго архимандрита Фотія, о которомъ одинъ изъ современныхъ русскихъ іерарховъ выразился такъ, что его „развѣ слѣпой да графиня Орлова разпознать не могутъ".

Вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчаются въ государѣ проявленія чрезвычайнаго смиренія. Слуга прихлопнулъ дверью палецъ государю, государь сдѣлалъ строгое замѣчаніе. Но онъ неспокоенъ, ему кажется, что онъ обидѣлъ человѣка. И вотъ онъ идетъ просить прощенія у слуги и возвращается уже облегченный и успокоенный! 7 Ноября 1824 г., въ Петербургѣ было страшное и опустошительное наводненіе. Едва вода стала спадать, государь отправился въ галерную. Страшная картина разрушенія предстала ему. Народъ обступилъ его съ воплями и рыданіями. „За наши грѣхи насъ караетъ Богъ!" сказалъ кто то изъ толпы. *Нѣтъ за мои!* отвѣчалъ государь со слезами.

Вообще исторія послѣднихъ десяти лѣтъ жизни Александра представляетъ чрезвычайный интересъ для психолога. И ни одинъ человѣкъ съ сердцемъ не можетъ отказать въ сочувствіи этой душѣ нѣжной и кроткой до конца, истомленной житейскою борьбою и тоскующей по горнемъ отечествѣ. „*Это самый честный человѣкъ, какого я зналъ*" отзывался объ Александрѣ одинъ изъ иностранныхъ дипломатовъ; *быть можетъ онъ часто будетъ дѣлать зло, но онъ всегда будетъ желать дѣлать добра*..

Историческая справедливость требуетъ сказать, что послѣдніе десять лѣтъ царствованія Александра были довольно неудачны и причина этого лежала отчасти въ вышеуказанномъ личномъ настроеніи государя. Что же? будемъ ли негодовать на то, что силамъ человѣческимъ предѣлъ положенъ? будемъ ли роптать на то, что догорающая лампада свѣтитъ тусклымъ и колеблющимся блескомъ?—что послѣд-

ніе лучи солнца не даютъ столько свѣта и теплоты, какъ полуденные?

Ключемъ къ уразумѣнію внѣшней и внутренней политики Александра въ послѣдніе десять лѣтъ царствованія служитъ актъ *священнаго союза*, посему о немъ и слѣдуетъ сказать прежде всего нѣсколько словъ.

Въ 1815 году Александръ стоялъ на высотѣ доступнаго человѣку величія, какъ побѣдитель Наполеона, освободитель Европы, другъ царей и народовъ, увѣнчанный отъ своего народа применованіемъ *благословеннаго*. И тутъ видѣлся для него предѣлъ его поступательной дѣятельности. Дальше идти было некуда, по крайней мѣрѣ впередъ! Тутъ онъ хотѣлъ поставить точку. Онъ былъ утомленъ, онъ былъ подавленъ массою пережитыхъ впечатлѣній.

Это утомленіе послѣ великихъ событій наполеоновскихъ войнъ было не личнымъ только ощущеніемъ Александра. Оно имѣло отчасти основу въ духѣ времени. Много было тогда усталыхъ людей, доплывшихъ до реставраціи, какъ до желаннаго берега;—и всѣ они проникнуты были желаніемъ сохранить statu quo т. е. реставрированный старый порядокъ и обезпечить его на вѣки вѣчные отъ новыхъ революцій. Повторилось то, что всегда бывало въ заключеніе упорной и утомительной борьбы, когда чувствовалась необходимость выработать какую нибудь формулу единенія, придти къ какому нибудь опредѣленному соглашенію. Усталые люди рѣшали дѣло разъ навсегда, за себя и за своихъ потомковъ, забывая, что люди съ свѣжими силами—быть можетъ—и не захотятъ довольствоваться тѣмъ *докончаніемъ*, какое за нихъ уладили люди усталые.

Своеобразная религіозность, водарившаяся въ духѣ Александра, придала этому *докончанію* форму такъ называемаго *священнаго союза* трехъ государей: р. католическаго Франца, имп. австрійскаго, протестантскаго Вильгельма, ко

роля прусскаго, и православнаго имп. Александра. Первая мысль о св. союзѣ возникла еще въ 1813 г. „Въ 1813 г.—говорилъ императоръ Александръ прусскому епископу Эйлерту“,—когда мы, не смотря на усилія и мужество нашихъ войскъ, были принуждены отступать, тогда мы,—король вашъ и я,—сознали, что только рука Всевышняго могла спасти Германію. Случилось однажды—мы шли съ королемъ рука объ-руку одни безъ всякой свиты, погруженные въ думу о мрачной будущности. Внезапно возлюбленный другъ мой, прервавъ молчаніе, сказалъ: *станемъ продолжать борьбу, призвавъ Бога въ помощь, и когда Всевышній благословитъ наши усилія, сознаемся предъ лицемъ всего свѣта, что Ему лишь обязаны успѣхомъ.* Мы дали въ томъ слово другъ другу... Когда мы вступили въ Парижъ, король напомнилъ мнѣ о нашемъ намѣреніи, и тамъ же благородный императоръ Францъ, сочувствуя нашимъ видамъ и убѣжденіямъ, изъявилъ желаніе участвовать въ нихъ. Такимъ образомъ мысль о священномъ союзѣ, возникшая въ минуту скорби и унынія, была приведена въ исполненіе подъ вліяніемъ радостнаго восторга и признательности и нашъ союзъ есть дѣло Божіе. Самъ Искупитель внушилъ намъ мысли и чувства, нами объявленныя.“

Самый же актъ *св. союза*, состоящій изъ трехъ пунктовъ, былъ подписанъ тремя государями въ день Воздвиженія Креста Господня 1815 г. Александръ подписался послѣднимъ конечно по смиренію, но въ сущности онъ былъ главнымъ виновникомъ св. союза и быть можетъ единственнымъ человѣкомъ, искренно и безъ заднихъ мыслей въ него увѣровавшимъ. Актъ св. союза гласилъ, что монархи согласились: „какъ въ управленіи собственными подданными такъ и въ политическихъ отношеніяхъ руководствоваться заповѣдями св. Евангелія..... посему положили: соединиться узами неразрывнаго братства и оказывать другъ другу во всякомъ случаѣ, во всякомъ мѣстѣ, взаимную помощь и доброжелательство; подданныхъ же своихъ считать какъ бы

членами одного семейства и управлять ими въ томъ же духѣ братства для охраненія вѣры, правды и мира".

Обнародованіе этого, какъ выражается Гервинусъ, *дипломатическаго апокалипсиса* озадачило мыслящую Европу и въ тогдашней прессѣ можно встрѣтить выраженіе довольно серьезныхъ недоумѣній.

„Кто желаетъ достигнуть цѣли,—говорилось между прочимъ,—тотъ долженъ имѣть въ рукахъ и потребныя для сего средства. Государи, сидя на высокихъ престолахъ и окруженные раболѣпными льстецами, могутъ пожалуй воображать себя земными богами, которымъ достаточно сказать только слово, чтобы всѣ обитатели земной планеты приняли его за норму для своей дѣятельности. Но на самомъ дѣлѣ государи также чада своего вѣка и крайне ограничены въ средствахъ, чтобы своими взглядами и мнѣніями накладывать штемпель на взгляды и мнѣнія современниковъ. Да и можетъ ли кто либо изъ нихъ сказать словами великаго Учителя, евангелію котораго они обѣщаются слѣдовать: *кто изъ васъ обличаетъ меня въ грѣхѣ?*

Не говоря уже о недостаточности средствъ представлялась неясно поставленною и цѣль свящ. союза. „Если— говорили—"св. союзъ разсчитываетъ имѣть вліяніе на народы, то онъ долженъ быть популяренъ и общепонятенъ. Между тѣмъ спросите мужика, мѣщанина, ремесленника, купца, солдата и т. д. думаетъ ли онъ, что благодаря св. союзу его положеніе существенно измѣнится къ лучшему. Онъ не пойметъ, о чемъ вы спрашиваете: онъ или улыбнется, или останется въ раздумьѣ. Спросите политика какой угодно партіи: видитъ ли онъ въ свящ. союзѣ, гарантію европейскаго мира лѣтъ по крайней мѣрѣ на 10-ть? Онъ сочтетъ васъ за полупомѣшаннаго. Спросите серьезнаго мыслителя: видитъ ли онъ въ св. союзѣ зарю царства Божія на землѣ? Въ отвѣтъ на это онъ укажетъ вамъ на неизбѣжныя волненія роковыхъ страстей и страстишекъ, на раболѣпство предъ сильными міра, и на то,

что злыя сѣмена продолжаютъ расти своимъ порядкомъ. Обратитесь наконецъ къ г-жѣ Криднеръ, которая считается апостоломъ свящ. союза. Она представитъ въ качествѣ орудій благодати толпу полупомѣшанныхъ фанатиковъ, проворовавшихся попрошаекъ, истерично-мечтательныхъ дамъ—и только".

При такой неясности средствъ и цѣлей св. союза—европейскіе скептики думали, что если не признать акта св. союза совершенно безсодержательнымъ, то остается предположить, что подъ хорошими и священными словами скрываются какія либо нехорошія и своекорыстныя побужденія Опытъ показалъ, что европейскіе скептики были не совсѣмъ неправы.

Въ искусныхъ рукахъ Меттерниха св. союзъ дѣйствительно сдѣлался комплотомъ правительствъ противъ народовъ, орудіемъ для подавленія прорывавшихся то тамъ, то сямъ революцій и знаменемъ всякихъ полицейскихъ и цензурныхъ стѣсненій.

Можно представить себѣ весь трагизмъ положенія Александрова, когда онъ замѣтилъ, (а не могъ не замѣтить), что его дорогая и священная идея вслѣдствіе неумолимой логики постепенно слагавшихся событій и отношеній получаетъ такое непредвидѣнное и печальное примѣненіе и что вмѣсто царства Божія на землѣ устрояется царство цензуры и полиціи. Во имя началъ священнаго союза Александръ на конгрессахъ веронскомъ и лайбахскомъ, долженъ былъ утратить имя друга свободы народовъ,—и затѣмъ во имя тѣхъже началъ долженъ былъ сложа руки смотрѣть на возстаніе единовѣрныхъ грековъ, которое съ точки зрѣнія меттерниховской политики представлялось какъ нарушеніе statu quo, какъ бунтъ противъ законнаго государя т. е. султана.

Какъ метеоръ угасъ свѣтлый ореолъ, дотолѣ окружавшій Александра въ общественномъ мнѣніи Европы, и старый Лагарпъ съ сокрушеніемъ сердечнымъ долженъ былъ напи-

сать слѣдующія строки: „до 1815 г. надежда моя видѣть въ Александрѣ благодѣтеля человѣчества исполнялась, но духъ злобы задержалъ славный ходъ, а веронскій циркуляръ 1822 г. обнаруживаетъ почти реакцію".

Послѣдствія священнаго союза отразились не только во внѣшней, но и во внутренней политикѣ Россіи. Послѣдовательность требовала однообразія,—и къ сожалѣнію посредствомъ прискорбнаго смѣшенія понятій это однообразіе было достигнуто. Еще въ 1813 г. Сперанскій, провидя задатки подозрительности въ характерѣ государя, писалъ изъ своего пермскаго изгнанія: „не попустите, всемилостивѣйшій государь, чтобы система ложныхъ страховъ и подозрѣній, система, коею, какъ я догадываюсь, ищутъ уловить вниманіе вашего величества,—чтобы система сія, всегда приводившая государей къ безславію, а государства къ бѣдствіямъ, восторжествовала надъ достоинствомъ моральнаго вашего характера, который одинъ, смѣю сказать, среди всѣхъ неустройствъ нашего правительства, доселѣ составлялъ отраду народа и надежду всѣхъ людей просвѣщенныхъ и благомыслящихъ. Одни мечтатели или люди коварные и властолюбивые могутъ видѣть въ народѣ самомъ кроткомъ и добродушномъ, въ подданныхъ, привыкшихъ повиноваться самой малѣйшей власти, и вамъ, всемилостивѣйшій государь, дѣйствительно и лично преданныхъ,—могутъ въ семъ народѣ, въ мнѣніяхъ его и пустыхъ толкахъ неразумія или легкомыслія видѣть ропотъ, опасности, причины важныхъ подозрѣній. Ужасъ поражаетъ мое воображеніе, когда я помыслю о слѣдствіи сихъ внушеній".

То, чего боялся Сперанскій, исполнилось. Съ одной стороны Меттернихъ, желая тѣснѣе связать образъ дѣйствій русскаго государя съ реакціонными видами австрійской политики, старался показать, якобы и въ самой Россіи находятся въ броженіи революціонные элементы и какой нибудь ничтожной исторіи о безпорядкахъ въ Семеновскомъ полку старался придать значеніе событія перво-

степенной важности. Съ другой стороны и въ самой Россіи не было недостатка въ людяхъ, подобныхъ Магницкому, которые, небесными путями шествуя къ земнымъ цѣлямъ, охотно заявляли себя ревнителями началъ *священнаго союза* и ожесточенными борцами противъ разрушительнаго духа времени. Такіе люди поняли, что теперь имѣется запросъ на нихъ и поспѣшили выступить впередъ съ тѣми самоувѣренно-развязными и задорными полемическими пріемами, какими всегда отличается реакція. Они начали обличать современную изгарь: для нихъ нужна была эта изгарь, чтобы представить резонъ своего собственнаго существованія. Чего должна была ожидать Россія отъ такихъ дѣятелей, показываетъ управленіе казанскимъ учебнымъ округомъ Магницкаго, который строилъ систему общественнаго воспитанія *на актѣ свящ. союза.* Для всѣхъ предметовъ университетскаго преподаванія выработана была нормальная программа въ библейско-консервативномъ духѣ. Конечно противъ этого трудно было высказаться. Но бѣда въ томъ, что какъ скоро былъ отлитъ стереотипъ науки, дальнѣйшая научная разработка становилась невозможною,—и первоначальная мысль Магницкаго о закрытіи университета представлялась весьма резонною. Попеченіе о благонравіи при Магницкомъ процвѣло до такой степени, что также исключало собою возможность всякой другой дѣятельности. Цѣлая вереница инспектирующихъ и взаимно инспектируемыхъ лицъ наполняла университетъ и проводила все время въ требованіи мелочныхъ формальностей и во взаимномъ контролированіи.

Для насъ впрочемъ вамъ важно теперь обозначить вліяніе людей, подобныхъ Магницкому, на душевное настроеніе государя. Съ замѣчательною назойливостью пробиваясь къ престолу и повергая къ ногамъ государя *плодъ своего усердія къ церкви и царю, въ обыкновенномъ служебномъ порядкѣ не вмѣщающійся*, означенные лица докладывали государю, что—де „князь тьмы вѣка сего распространяетъ

разрушительныя ученія въ разныхъ концахъ Европы и составляетъ правильный, обширный и давно въ тайнѣ укоренившійся планъ и заговоръ на *Бога и царей*". Далѣе слѣдовало, разумѣется, изложеніе проэктовъ, какъ спасти Россію отъ такой напасти, съ выраженіемъ открытаго или затаеннаго желанія авторовъ приложить къ осуществленію проэктовъ свои честныя и умѣлыя руки. Подобныя внушенія производили свое вліяніе на впечатлительнаго государя, хотя быть можетъ не въ той степени, какъ бы хотѣлось этого врагамъ князя тьмы.

Александръ становился все меланхоличнѣе, задумчивѣе и мнительнѣе. Онъ началъ уединяться, проводилъ много времени въ дальнихъ путешествіяхъ и рѣдко принималъ даже министровъ съ докладами. Главнымъ докладчикомъ государя и его fac totum въ послѣдніе годы его царствованія сдѣлался безъ лести преданный графъ А. А. Аракчеевъ. Вигель даетъ такую характеристику этого временщика. „Употребляя съ пользою данную ему отъ природы суровость, Аракчеевъ давалъ преданности своей видъ какой-то откровенности и казался бульдогомъ, который не смѣлъ никогда ласкаться къ господину, всегда готовъ напасть и загрызть тѣхъ, кои бы воспротивились его волѣ. Онъ умѣлъ увѣрить царя, что кромѣ двухъ боговъ, одного на небѣ, другого на землѣ, онъ ничего не знаетъ и знать не хочетъ, имъ однимъ служитъ, имъ однимъ поклоняется". Не смотря на свою неуклюжесть, Аракчеевъ, по выраженію Сперанскаго, былъ *ловкимъ царедворцемъ*. Въ эпоху религіознаго настроенія государя ловкій царедворецъ также восчувствовалъ проникновеніе благочестіемъ, которое повидимому не совсѣмъ согласовалось съ его черствою и холодною натурою. Письма Аракчеева къ государю переполнены напр. такого рода обнаруженіями. „Къ одному всемогущему Богу обращаюсь ежеминутно съ молитвою, да подкрѣпитъ Его святая десница мое здоровье, которое не для чего иного не будетъ употреблено до конца моей жизни, какъ къ истинному и усердному

служенію моему отцу, благодѣтелю и государю Александру Павловичу". „Я буду всегда просить Бога, дабы Онъ, Всевышній, увѣрилъ Васъ, Батюшка, что нѣтъ въ мірѣ другаго человѣка, который бы болѣе меня былъ Вамъ преданъ". Но конечно не столько религіозность Аракчеева, сколько другія обстоятельства побудили государя приблизить его къ себѣ. Попавъ въ полосу реакціи, государь чувствовалъ по временамъ надобность употреблять крутыя и строгія мѣры, къ которымъ неспособна была его кроткая и нѣжная природа. И вотъ на этотъ случай весьма пригоденъ былъ Аракчеевъ, который всякую строгую мѣру готовъ былъ провести со всевозможною охотою и исполнительностію. Государь,—по уподобленію Вигеля,—былъ похожъ на господина, который, наскучивъ самъ управлять имѣніемъ, сдалъ все на руки строгаго управителя, будучи увѣренъ, что при немъ крестьяне не избалуются.

Самымъ крупнымъ дѣломъ аракчеевскаго управленія было *устройство военныхъ поселеній.* Мысль о нихъ возникла изъ самыхъ гуманныхъ и филантропическихъ побужденій государя. Разъ въ зимнее утро государь стоялъ у окна зимняго дворца и смотрѣлъ, какъ преображенскій караулъ возвращался изъ подъ арки главнаго штаба въ свои казармы. Былъ жестокій морозъ. Государь обратился къ Аракчееву съ словами: „всякій разъ когда я смотрю на моихъ гренадеръ, у меня сердце обливается кровію: какъ подумаю, сколько они въ походахъ испытали трудностей, лишеній, опасностей; походъ кончился, мы съ тобой отдыхаемъ, а ихъ служба въ мирное время едва-ли не тягостнѣе, чѣмъ въ военное; какъ подумаю еще, что и по выходѣ въ отставку послѣ 25—лѣтней службы солдату некуда голову приклонить" и т. д. Аракчеевъ сказалъ: „В. В. надобно объ этомъ подумать, устроить ихъ быть къ лучшему" и упомянулъ о поселеніяхъ на австрійской военной границѣ. Государь отвѣчалъ: „устрой мнѣ это, Алексѣй Андреевичъ,

ты доставишь мнѣ самое большое удовольствіе, я умру спокойно". —Но и на этотъ разъ случилось такъ, что гуманная мысль государя,—точно также какъ и идея священнаго союза,—послужила къ народному угнетенію. Идея о военныхъ поселеніяхъ состояла въ томъ, что войска, расквартированныя въ извѣстныхъ мѣстностяхъ имперіи, должны были комплектоваться и продовольствоваться на счетъ той мѣстности, гдѣ были водворены. Желѣзная рука Аракчеева съумѣла сдѣлать этотъ порядокъ и для гостей и для хозяевъ т. е. и для поселенныхъ солдатъ, и для военныхъ поселянъ не менѣе тяжелымъ, чѣмъ каторга. Для подтвержденія этого довольно припомнить, что смертность въ военныхъ поселеніяхъ доходила до 10°, что неоднократные бунты въ военныхъ поселеніяхъ, не смотря на жестокую расправу, были ни чѣмъ инымъ, какъ воплемъ отчаянія, и что наконецъ само правительство нашло себя вынужденнымъ признать негоднымъ и отмѣнить это дорого стоившее учрежденіе.

Аракчеевъ конечно займетъ мѣсто въ русской исторіи и щедрою преміею за лучшее сочиненіе *о царствованіи Александра*, (какое явится чрезъ 100 лѣтъ по смерти государя), онъ какъ будто вознамѣрился обезпечить себѣ почетное мѣсто. Будемъ думать, что судъ исторіи будетъ неподкупенъ, будемъ надѣяться, что въ слѣдующемъ поколѣніи русскихъ историковъ явится новый Тацитъ, который Аракчеева, не смотря на его премію, оцѣнитъ по достоинству.

Изъ всѣхъ либеральныхъ плановъ Им. Александра долѣе другихъ держалась его мысль о дарованіи Польшѣ конституціи и отдѣльнаго политическаго существованія. Не смотря на возраженія не только русскихъ, какъ напр. Карамзина, но и иностранцевъ напр. Поццо-ди-Борго, графа Каподистріи, лорда Кельстри, государь настойчиво держался за эту мечту своей юности, навѣянную близкими сношеніями съ кн. Адамомъ Чарторыйскимъ. Мечта осуще-

ствилась, но плодъ ея былъ горекъ. Съ одной стороны поляки не хотѣли довольствоваться тою умѣренною долею свободы, какую предоставлялъ имъ благодушный императоръ и простирали свои требованія далѣе предѣловъ возможнаго и справедливаго;—съ другой стороны русскіе находили несообразнымъ, чтобы народъ побѣжденный пользовался тѣми правами, какихъ не имѣлъ народъ побѣдитель. Однимъ словомъ: дарованіемъ Польшѣ конституціи государь не угодилъ ни той, ни другой націи. Это послѣднее разочарованіе было тѣмъ прискорбнѣе для государя, что грозило въ будущемъ новыми и почти безвыходными усложненіями и затрудненіями.

Это приводитъ насъ къ рѣчи о тайныхъ обществахъ, извѣстіе о которыхъ отравило послѣдніе мѣсяцы и дни Александра. На сколько можемъ намѣтить эту исторію въ общихъ чертахъ, кажется, дѣло было такъ: либеральныя начинанія первыхъ временъ царствованія имп. Александра естественно развили въ людяхъ мыслящихъ вкусъ и охоту къ обсужденію соціально-политическихъ вопросовъ, особенно тѣхъ, которые вызывались современными недугами Россіи. Наполеоновскія войны, заставившія русскихъ пройти отъ Москвы до Парижа, еще болѣе расширили кругозоръ русскихъ людей и дали много матеріала для политическихъ сужденій. До 1815 г. эти сужденія не заключали въ себѣ ничего преступнаго; русскіе любители политики даже могли думать, что они подготовляютъ почву для дѣятельности правительства, и само правительство могло судить о нихъ не иначе, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ нихъ занимали довольно высокія мѣста въ служебной іерархіи. Но со времени свящ. союза всякія политическія сужденія должны были или совершенно умолкнуть, или развиваться помимо вѣдома правительства. Случилось послѣднее: образовались тайныя общества политическаго характера и понятно, что въ эпоху аракчеевщины и неудачно сложившейся польской конституціи настроеніе этихъ обществъ не могло быть бла-

гопріятнымъ для правительства. Государь впрочемъ зналъ о существованіи тайныхъ обществъ, и не зналъ, что съ ними дѣлать. Государь не могъ не сознать, что главная вина или—лучше сказать—несчастіе тайныхъ обществъ состояло въ томъ, что они явились очень поздно,—точно также, какъ книга Радищева при Екатеринѣ,—что они стояли въ дисгармоніи съ его тогдашнимъ настроеніемъ духа, не заключая впрочемъ въ себѣ существенныхъ противорѣчій съ его прежними убѣжденіями,—и что слѣдовательно наказывать членовъ тайныхъ обществъ—значило бы наказывать самаго Александра 1801-хъ годовъ. Такова была послѣдняя и одна изъ самыхъ крупныхъ коллизій, какими вообще была богата жизнь имп. Александра 1-го.

Въ виду тяжкихъ усложненій своего положенія государь не разъ обращался къ своей давней и любимой мысли о сложеніи императорскаго сана и о переходѣ въ жизнь частнаго человѣка. Осуществленіе этой мысли замедлилось между прочимъ тѣмъ, что старшій по Александрѣ I-мъ братъ Константинъ Павловичъ ни по своему характеру, ни по своимъ семейнымъ обстоятельствамъ, не могъ быть его преемникомъ на императорскомъ тронѣ. Когда это обстоятельство окончательно выяснилось, имп. Александръ нашелъ возможнымъ совершить актъ престолонаслѣдія въ пользу слѣдующаго своего брата Николая Павловича, тѣмъ болѣе, что тотъ имѣлъ уже потомство въ лицѣ благополучно царствующаго нынѣ Императора Александра Николаевича. Во время послѣдней поѣздки своей въ Крымъ въ октябрѣ 1825 г. государь съ увѣренностью говорилъ уже о близкомъ переходѣ въ жизнь частнаго человѣка. Вмѣстѣ съ Волконскимъ занимаясь выборомъ мѣста для дворца въ Крыму и проэктомъ его постройки, государь изъявлялъ желаніе чтобы все было устроено какъ можно проще, чтобы переходъ къ частной жизни не былъ слишкомъ рѣзокъ. *И*

ты выдешь со мною въ отставку, говорилъ онъ кн. Волконскому, *и будешь у меня библіотекаремъ.* Вмѣстѣ съ мыслью о жизни частнаго человѣка проснулись въ Александрѣ его прежнія убѣжденія—слѣды уроковъ Лагарповыхъ. *Кто бы что ни говорилъ*,—сказалъ императоръ, *я жилъ республиканцемъ и умру республиканцемъ.* Но Господь судилъ имп. Александру другую болѣе полную отставку. Въ Крыму государь заболѣлъ лихорадкою, превратившеюся вскорѣ въ тифозную горячку, и послѣ двух-недѣльной болѣзни 19 ноября 1825 г. перешелъ въ тотъ лучшій міръ, гдѣ удобнѣе могутъ осуществиться въ своемъ истинномъ смыслѣ святыя начала *священнаго союза*, чѣмъ въ нашемъ мірѣ лжи, страстей и противорѣчій.

Да соорудится мнѣ памятникъ въ чувствахъ вашихъ! говорилъ государь въ 1815 г., въ отвѣтъ на восторженный голосъ общерусскаго одобренія,—*да благословляетъ меня въ сердцахъ своихъ народъ мой, какъ я его благословляю въ моемъ сердцѣ!*

Благословляетъ тебя, великій государь твоя великая Россія и во имя Христа Спасителя нашего, Евангеліе котораго ты такъ усердно возлюбилъ, призываетъ на тебя блаженство, обѣщанное Господомъ для *кроткихъ и милостивыхъ, для чистыхъ сердцемъ, для алчущихъ и жаждущихъ правды*, ибо таковъ ты былъ воистину. Были въ твоей жизни коллизіи и противорѣчія, но отъ нихъ прежде всего страдалъ ты самъ. Ты не видѣлъ осуществленія желаемаго тобою царствія Божія на землѣ, но твоя жизнь прошла не безслѣдно для блага и нравственнаго величія Россіи и человѣчества!

2007044138